

Учёные ОИЯИ в Великой Отечественной войне

Лекцию логично будет начать с основателя Научной Дубны и директора двух лабораторий — Михаила Григорьевича Мещерякова. Переломный день 22 июня застал его в Петербурге/Ленинграде — городе, где он уже успел состояться как выдающийся физик. Михаил Григорьевич Мещеряков — ветеран двух войн. В 1939 году младший лейтенант Мещеряков был призван на войну с Финляндией. Известную в историографии как Зимняя война, а также как «война незначительная» (по выражению А. Т. Твардовского). Сам Мещеряков тоже почти ничего не писал и не рассказывал о своём участии в этой войне. Известен лишь такой любопытный факт: именно во время Финской кампании прошла защита его кандидатской диссертации. Мещеряков был тогда аспирантом у Игоря Васильевича Курчатова. Большинство биографов Мещерякова утверждают, что защита была проведена заочно.

В 1940 году Мещеряков возглавил циклотронную лабораторию Радиевого института АН СССР в Ленинграде. И в марте 1941 года при его участии был запущен первый в СССР циклотрон. А через 3 месяца началась Великая Отечественная война. Мещеряков, не дожидаясь повестки, пошёл добровольцем в народное ополчение. Его зачислили в состав 3-й Ленинградской дивизии ополчения, где вскоре обнаружился избыток научных работников и инженеров — в основном, младших лейтенантов запаса.

«Большую часть из нас, в том числе и меня, командировали в другие части, где не хватало офицеров.» — вспоминал Мещеряков.

И в начале сентября его перевели на офицерскую должность в 261-й артиллерийский дивизион, который оборонял от немцев ленинградский пригород Колпино.

17 сентября (акkurat в день своего рождения) Мещеряков был легко ранен, но при этом тяжело контужен. Он остался в строю. Воевал вплоть до 20 ноября 1941 года. Но все же, из-за последствий той контузии его отправили в госпиталь, где дважды прооперировали. Зимой 1941—1942 года младший лейтенант провёл в госпитале блокадного Ленинграда. В палате, где лежал Мещеряков, из 22 человек выжили только он и ещё один боец. В мае 1942 года Мещеряков был официально демобилизован. И 26 июня был по Ладожскому озеру эвакуирован в тыл. В июле 1942-го прибыл в Казань, куда уже раньше эвакуировали его родной Радиевый институт. Ещё месяц Мещерякова долечивали в Казани...

После снятия блокады, лаборатория Мещерякова была первой возвращена в Ленинград. И под его руководством снова заработал циклотрон, простоявший 4 года. А в 1967 году увидела свет повесть Николая Асанова «Богиня победы», в которой физик Мещеряков был выведен под говорящей фамилией Богатырёв.

=====

В Ленинграде встретил 22 июня и **Венедикт Петрович Джелепов** — будущий заместитель и преемник Мещерякова. Как и он, участник Советско-финской войны. И тоже работавший тогда под руководством Курчатова. Как рассказывал Джелепов,

«Так как у меня в военном билете лежало предписание в первый день мобилизации явиться в военкомат, то через два часа я уже был там. Лейтенант, принимавший документы, посмотрев на моё предписание (оно было синего цвета), сказал:

— Вы, вероятно, недавно из армии? Сейчас мы Вас не возьмём. Явитесь сюда, как только Вам вручат красную повестку.

Через несколько дней в конференц-зал Физико-технического института были приглашены все молодые сотрудники ФТИ, и А. Ф. Иоффе объявил, что по указанию А. А. Жданова, буквально с завтрашнего дня все присутствующие в этом зале переводятся на оборонные работы. (...) В течение следующего месяца (...) профессор А. П. Александров, М. С. Козодаев и я были направлены в лабораторию профессора Ю. Б. Кобзарёва, возглавляющего в Физтехе работы по радиолокации самолётов.»

Но в связи со стремительным продвижением Вермахта к Ленинграду, эти работы были прерваны.

«Физико-техническому институту было приказано срочно эвакуироваться в Казань. (...) 23 августа буквально с последним эшелоном мы поздно вечером прошли на восток через станцию Мга. Как потом выяснилось, через несколько часов немцы варварски её разбомбили и замкнули Ленинград в кольце блокады.» — вспоминал Джелепов.

Двухэтажные бараки, где первоначально поселили эвакуированных из Ленинграда, располагались на берегу Казанки, напротив городского центра. Они были снесены лишь в XXI веке...

=====

Подобно М.Г. Мещерякову и В.П. Джелепову — ещё один ученик Курчатовской школы и будущий директор Лаборатории ядерных реакций ОИЯИ Георгий Николаевич Флеров тоже встретил 22 июня в Ленинграде, на взлёте научной карьеры.

В 1940 году Г. Н. Флеров и К. А. Петржак сделали в стенах Радиевого института фундаментальное открытие спонтанного деления ядер урана. Открытие, отмеченное Сталинской премией 1 степени — но это произошло лишь в 1946 году...

А 22 июня 1941 года Петржак был призван в действующую армию. Согласно воспоминаниям Флерова,

«Курчатов не считал возможным дальше тратить усилия на ядерную физику, которая в этот момент казалась ему чем-то слишком далёким от жизни, от войны. Сам он пошёл работать к А. П. Александрову, который комплектовал группы по размагничиванию военных судов и защите их от мин [Александров плотно занимался этим вопросом начиная с 1936 года — К. К.]. Нам же предложили подумать, где бы мы могли принести наибольшую пользу стране в условиях войны.»

И в июле 1941-го Флеров, подобно Мещерякову, пошёл добровольцем в Ленинградское народное ополчение. Но оттуда его перенаправили в Ленинградскую военно-воздушную академию, на ускоренные курсы подготовки инженеров, обслуживающих пикирующие бомбардировщики. Академия тем временем уже готовилась к эвакуации в Йошкар-Олу. 1 августа с железнодорожной ветки, протянутой к Авиагородку, вышел первый эшелон с людьми и имуществом академии. И уже к 10 августа все эшелоны прибыли в Йошкар-Олу.

«В Йошкар-Оле в течение четырёх месяцев мы изучали авиационную технику. Тогда у нас появились пикирующие бомбардировщики Пе-2. Задача заключалась в том, чтобы освоить автоматику для вывода из пике во время бомбометания. Самолёты обладали высокой скоростью, и пилот часто терял сознание от перегрузок. В таких случаях выводить самолёты из пике должна была автоматика. Нас и готовили для того, чтоб эффективно использовать на фронте новую боевую технику... Из сводок Совинформбюро мы узнавали, что фашисты рвутся к Москве. Я подал рапорт с просьбой, чтобы меня отправили на фронт. Мне отказали. Потом после разгрома немцев под Москвой стало ясно, что война будет затяжной. Мысли всё больше и больше возвращались к ядерной физике, к тому, чем мы занимались в мирное время. Но теперь на передний план выступала не энергия урана вообще, а возможность достижения взрывного эффекта цепной реакции.» — вспоминал Флеров.

В письме Флерова молодому физику И. С. Панасюку есть тревожная фраза:

«Вероятно, это ошибка наша. И главным образом А. Ф. Иоффе, что мы оставили урановую проблему.»

Как рассказывал Флеров:

«В Йошкар-Оле я надоедал начальству с просьбами об увольнительных—сидел в читалке Оптического института, дрожал от холода, делая расчёты цепной реакции.»

Теперь — небольшое хронологическое отступление. В 1955 году Ленинградской военно-воздушной академии было присвоено имя контр-адмирала А. Ф. Можайского. Данный факт необходимо знать, чтобы правильно понять такую флёровскую фразу:

«В 1941 году курсант Воздушной академии имени Можайского нарисовал схему той самой конструкции, которая была у американской атомной бомбы, разрушившей японский город Хиросиму в 1945 году.»

Это — подведение итога. А тогда, в конце 1941-го, как опять-таки подчёркивал Флеров, всё казалось чуть-чуть по-другому:

«Казалось: если кто-то и сможет сделать атомную бомбу, то это будут не американцы, не англичане, не французы, а именно немцы.» «Германия с её давними традициями в науке вообще и в ядерной физике в частности, обладающая огромным техническим потенциалом и имеющая в своём распоряжении запасы урана, тяжёлой воды и талантливых физиков, способна создать атомную бомбу.»

И курсанту Флерову удалось добиться, чтобы 20 декабря 1941 года тему урановой бомбы рассмотрел Президиум Академии наук. Вот как вспоминал об этом Флеров:

«Я написал письмо в Физико-технический институт, эвакуированный из Ленинграда в Казань, о том, что необходимо безотлагательно возобновить исследования по проблеме урана. В ноябре 41-го оттуда был прислан вызов.»

Далее стоит процитировать воспоминания полковника Б. И. Брустина (в 1941 году — военинженера 3 ранга):

«Добиться командировки оказалось делом сложным. Время было военное, и никаких одиночных командировок рядовым не полагалось. (...) В течение недели длились переговоры с начальником факультета. Наконец, под мою личную ответственность, оформили командировочные документы, и Флеров смог уехать в Казань.»

Как вспоминал Флеров:

«Командование курсов выдало мне продаттестат на неделю и командировочное предписание, в котором говорилось, что «курсант Флеров командировается в Академию наук для обсуждения предложения курсанта Флерова». В Казани я доложил о своих расчётах на заседании «малого Президиума» Академии, с участием А. Ф. Иоффе, П. Л. Капицы и других руководителей физических исследований. Меня выслушали. Сказали, что дело серьёзное, но требует очень больших затрат людских и финансовых ресурсов. Продолжение исследований в труднейших условиях войны сочли тогда делом абсолютно невозможным.»

В Казани же Флеров заглянул в научно-техническую библиотеку и не обнаружил в англоязычных физических журналах никаких упоминаний спонтанного деления урана. Правда, на просмотр журналов у него было не так много времени.

По окончании академии, в самый канун нового 1942 года, курсанту Флерову было присвоено звание техника-лейтенанта. Он был зачислен в 90-ую отдельную разведывательную эскадрилью, которая приняла участие в Курско-Обоянской операции. Эскадрилья вначале дислоцировалась в Луганске, затем — в Воронеже. И в этом старинном городе перед Флеровым открылась новая грань атомной проблемы. Он окончательно убедился в том, на что мог обратить внимание ещё в казанской библиотеке.

«В Воронеже осталась неэвакуированной университетская библиотека.» «Американские физические журналы, несмотря на войну, в библиотеке были, и они больше всего интересовали меня. В них я надеялся ознакомиться с новыми статьями по делению урана, найти отклики на нашу работу по спонтанному делению». «Но их не было, как и вообще не было в последних журналах никаких статей по проблеме деления урана, причём не было не только статей учёных Англии и Франции — европейских стран, ввергнутых в Мировую войну, но и статей учёных США. Становилось ясно, что публикации работ в этой области прекращены. Я забил тревогу! Писал в Президиум Академии, в Государственный комитет обороны, наконец — И. В. Сталину.» — вспоминал Флеров.

Упомянутое здесь Флеровым письмо Сталину, отправленное в апреле 1942 г., сейчас широко известно, ему посвящена обширная литература. Но это, кстати сказать — второе письмо, а первое было написано ещё в ноябре 41-го. ДО Воронежа. ДО командировки в Казань. И быть может, РАНЕЕ письма в Физтех, ну, или одновременно с ним. В любом случае, это письмо, более интуитивное, чем информативное, не дало никаких результатов... Подлинники флёровских писем к Сталину не сохранились. С другой стороны, молодой Флеров оказался плохим библиографом собственной переписки. Он писал без копирки, от 2-го письма сохранился черновик, а от 1-го ничего не осталось. В конце 1988 года академик Флеров по памяти реконструировал текст 2-го письма, местом написания обозначил Йошкар-Олу.

В биографическом очерке «Г. Н. Флеров. Молодые годы», составленном его учеником Ю. Ц. Оганесяном, цитируется телеграмма из Наркомата обороны на имя начальника Военно-воздушной академии генерала А. Р. Шарапова:

«Рядового Флерова Г. Н. откомандировать в распоряжение АН СССР.»

Но вроде бы, он давно уже был лейтенантом?.. Вопросы и загадки остаются. Но не в них суть. Георгий Николаевич Флеров официально и заслуженно признан одним из инициаторов Советского Атомного проекта.

=====

В пригородной зоне Ленинграда встретил 22 июня один из будущих разработчиков Синхрофазотрона **Леонид Петрович Зиновьев**, на тот момент — недавний выпускник Московского энергетического института. 17 июня 1941 года Зиновьев был мобилизован в армию.

«В пятницу 20 июня поехали на манёвры, а 22 июня — война! Эти суровые дни мне никогда не забыть...» — рассказывал Зиновьев.

Всю войну он прослужил командиром электротехнического взвода в авиационной части, которая изначально действовала на Ленинградском и Волховском фронтах. А затем, после снятия блокады — были бои за Тарту, Варшаву, Берлин. Леонид Петрович Зиновьев был удостоен ордена Отечественной войны 2-й степени, награждён медалями «За оборону Ленинграда», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией». После окончания войны администрацией маршала Г. К. Жукова Зиновьев был назначен советским уполномоченным на машиностроительном заводе «Saxoniswerke» в Дрездене. Лишь в мае 1946 года Зиновьев был демобилизован, что позволило ему вернуться на Родину и в науку.

=====

Будущий заместитель директора Лаборатории нейтронной физики ОИЯИ **Фёдор Львович Шапиро** встретил 22 июня в Москве. Шапиро с отличием окончил Физфак МГУ и как раз накануне — 21 июня 1941 года — сдал последний государственный экзамен. Подобно «питерцам» Мещерякову и Флерову — Шапиро ушёл добровольцем в народное ополчение. Но его через несколько дней вернули в Электропром, где он работал, начиная с 1936 года.

Однако, он предпринимал новые попытки попасть на фронт, который неудержимо приближался к Москве. Наконец, 16 октября Шапиро вступил в Коммунистический батальон (притом, что всю свою жизнь он принципиально был беспартийным) и был назначен командиром отделения Отдельной мотострелковой разведывательной роты Дивизии московских рабочих. Вскоре он принял участие в боях под Москвой. Был представлен к медали «За отвагу»; ее вручал ему М. И. Калинин. В битве за Москву, находясь в боевой разведке, Шапиро был тяжело ранен: у него была раздроблена челюсть, осколок в груди оказался у самого сердца, а также множественные осколочные ранения обеих ног.

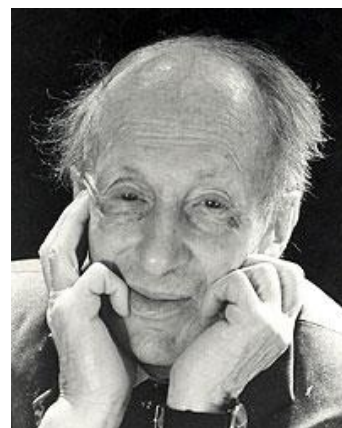

Период с декабря 1941 г. по апрель 1942 г. Шапиро провел в эвакогоспитале № 1665, в Казани. Осколок в груди не решились извлечь, и он остался в нём навсегда.

Находясь в госпитале, Шапиро решил математическую задачу об упреждении в стрельбе самолётов в воздушном бою и послал это решение в Наркомат обороны. Вскоре он был признан негодным к службе в армии, и в декабре 1942-го поступил на работу в конструкторскую группу Главсевморпути. В середине 1943 года Шапиро перешёл в Особое проектно-конструкторское управление № 42 «Центроэлектромонтаж», где занимался разработкой схем электрооборудования самолётов.

=====

Будущий ведущий научный сотрудник ЛВЭ ОИЯИ **Александр Львович Любимов** также встретил 22 июня в Москве. Он был тогда студентом Физфака МГУ. И в 20-х числах июня пошёл в военкомат, не дожидаясь повестки. Его направили на курсы воентехников при Артиллерийской академии.

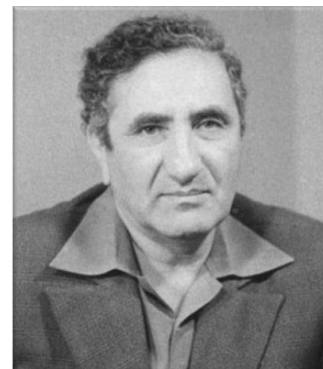
«Во время воздушных налётов мы дежурили на крыше Артиллерийской академии. Больно было видеть, как на любимый город падают вражеские бомбы. [Когда] враг был совсем близко от Москвы, нам, курсантам, раздали винтовки, и мы заняли оборону на одном из рубежей, недалеко от города. Но потом пришёл приказ курсантов отправить в части для использования по специальности.» — вспоминал Любимов.

Любимова направили в 1203-й зенитно-артиллерийский полк Особой Московской армии ПВО. Там он служил техником по приборам.

«Запомнились массированные налёты вражеской авиации. (...) Вокруг Москвы была создана очень сильная ПВО, и прорваться сквозь неё удавалось лишь отдельным самолётам противника. Поэтому Москва пострадала от воздушных бомбардировок относительно мало.» — вспоминал Любимов.

=====

Будущий главный научный сотрудник ЛВЭ ОИЯИ **Михаил Исаакович Подгорецкий** окончил Физфак МГУ одновременно с Фёдором Шапиро. Последний государственный экзамен Подгорецкий сдал 18 июня 1941 года. 30 июня Подгорецкий и его однокурсник И. Л. Розенталь записались добровольцами в Московское народное ополчение. Однако, через 3 дня друзья получили из райвоенкомата повестки в РККА. И Розенталь, ранее уже служивший в вооружённых силах, убедил Подгорецкого уйти из ополчения в регулярную армию.

Когда же непосредственный начальник не отпустил их и запер на ночь в казарме, Розенталь и Подгорецкий совершили побег. Выпрыгнув ночью из окна 2-го этажа, они наутро явились в райвоенкомат.

Подгорецкий и Розенталь были направлены в артиллерийское училище, затем — на ускоренные курсы Артиллерийской академии. В октябре 1942 г. Подгорецкий получил звание лейтенанта и был отправлен на фронт. Участвовал в завершающей стадии Сталинградской операции. Командовал зенитной артиллерийской батареей, затем — радиолокационной батареей. В апреле 1945 г. Подгорецкий со своей частью дислоцировался на берегу Днестра. Оттуда он был отозван в МГУ на годичное обучение ядерной физике.

Михаил Исаакович Подгорецкий был удостоен ордена Отечественной войны 2-й степени, награждён медалью «За боевые заслуги».

=====

Будущий ведущий научный сотрудник ЛЯР ОИЯИ **Вадим Васильевич Волков** встретил 22 июня в студентом-первокурсником Физфака МГУ. Вскоре его курс был направлен в Смоленскую область на рытьё противотанковых рвов вдоль реки Десны, где планировалось создать укрепрайон. В конце сентября фронт приблизился к Десне, и студенческий строительный отряд вернули в Москву.

1 октября 1941 года (когда предполагались бои в черте Москвы) Волков добровольно вступил в истребительный батальон, а 5 октября был направлен в 109-й отдельный лыжный батальон.

«Батальон действовал в районе Волоколамска. Стояли очень сильные морозы, до — 30. Руки примерзали к оружию. Фашисты закреплялись в деревнях. (...) За каждую деревню шли ожесточённые бои. 14 января в ночном бою за одну из таких деревушек я был тяжело ранен: одна пуля вошла в бок, другая прострелила левую руку.» — вспоминал Волков.

После госпиталя Волков окончил курсы младших лейтенантов-артиллеристов и был назначен командиром минометного взвода. Воевал под Гжатском, участвовал в Орловско-Курской битве, освобождал Белоруссию, брал Кёнигсберг. Из Восточной Пруссии старший лейтенант Волков **был** направлен в Приморский край. День Победы встретил на Дальнем Востоке. В августе 1945 года в составе 1-го Дальневосточного фронта участвовал в Харбинской наступательной операции на территории империи Маньчжоу-Го.

С Дальнего Востока Волков вернулся в Москву и был восстановлен студентом 2-го курса физфака МГУ.

За боевые заслуги Вадим Васильевич Волков награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны 1-й степени, медалями "За отвагу", "За оборону Москвы", "За взятие Кёнигсберга", "За победу над Германией", "За победу над Японией".

=====

Будущий главный инженер жидководородной камеры «Людмила» **Евгений Петрович Устенко** встретил 22 июня в родном Харькове. Накануне он получил аттестат зрелости. 16 сентября 1941 года 18-летний Устенко получил повестку и был направлен в Киевскую школу подготовки пилотов, которая, в связи со стремительным наступлением Вермахта на Украину, неоднократно меняла дислокацию — вплоть до Абакана в Хакасии.

«В конце концов приказом Главкомандующего весь персонал школы был направлен в Иркутскую школу авиационных механиков. Ее я и окончил в 1943 году в звании старшего сержанта. Итак, род войск — авиация. Военная специальность — авиационный механик. Участвовал в боях в составе 2-го и 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов. Освобождал Калининскую и Вологодскую области <Оштинский рубеж — К. К.>. Штурмовал цитадель Восточной Пруссии — Кёнигсберг. (...) Все время было тяжело, все время предел напряжения — это когда боевые будни. Передышки только в нелетную погоду. Запомнился контрудар немцев под железнодорожной станцией Няндомы (возле Вологды). Конечно, запомнился штурм Кенигсберга. Наш полк отличился. Боевые вылеты — от зари до зари, без передышки, до изнеможения техники и людей — по семнадцать вылетов за световой день. Воевал в составе 909-го Кенигсбергского авиационного истребительного полка до [начала] 1945 года, в составе 72-го Гвардейского авиационного истребительного полка до конца войны (из него же и демобилизован)... После объявления победы над фашистской Германией принимал участие в уничтожении [Курляндской] вражеской группировки в районе городов Либавы (Лиепая) и Тукумса.. Война уже закончилась. Но, как оказалось, не для нас. Бои под Либавой и Тукумсом продолжались — ожесточённые, кровавые... (...) Был ранен в 1947 году, ввиду чего и был демобилизован. После демобилизации, залечив рану, поступил в вуз.» — вспоминал Устенко.

Евгений Петрович Устенко был награждён медалями «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией».

=====

Будущий главный инженер ЛВЭ ОИЯИ **Леонид Григорьевич Макаров** встретил 22 июня (предположительно) в городе Сызрань, незадолго перед тем он окончил среднюю школу. В августе 1941 года Макаров, которому не было ещё полных 18-ти лет, получил повестку из Сызранского военкомата и через некоторое время был направлен на Калининский фронт (образован 19 октября 1941 г.).

20 октября 1943 г. Калининский фронт был переименован в 1-й Прибалтийский фронт. Макаров был командиром роты, затем - отделения 5-й мотоинженерной разведывательной бригады. В марте-июле 1944 г. Макаров был заместителем командира диверсионного отряда капитана Дубовицкого. Отряд успешно действовал в тылу врага. За эту операцию Макаров был награждён медалью «За отвагу» и орденом Красного Знамени.

«Макаров четыре раза сам лично ходил на задания по разведке и разрушению коммуникаций противника. Под его руководством группами подорвано 2 эшелона с техникой и живой силой противника, 2 автомашины и 1 мост длиной 5 метров; уничтожено 2 паровоза, 8 товарных и 2 классных вагона, 14 платформ с танками, убито и ранено до 200 солдат и офицеров.» — говорится в наградном документе.

Весной 1945 г. Макаров **был** направлен на Забайкальский фронт. День Победы он встретил на Дальнем Востоке. В августе 1945 г. участвовал в Хингано-Мукденской наступательной операции на территории империи Маньчжоу-Го. В дополнение к прежним наградам, Макаров **был** награждён медалями «За победу над Германией» и «За победу над Японией».

=====

Будущий ведущий научный сотрудник ЛТФ ОИЯИ **Пётр Степанович Исаев** встретил 22 июня в родном селе Коршево, Воронежской области. Накануне прошёл выпускной вечер в средней школе станционного посёлка Битюг, которую Исаев закончил с отличием...

В декабре 1941-го он стал работать колхозным счетоводом... 7 мая 1942 года Вермахт начал операцию «Блау», имевшую целью полностью оккупировать Воронежскую область. Летом 1942-го счетовод Исаев участвовал в перегоне колхозного стада на восток. По дороге, 24 июля 1942 года, в селе Верхний Карачан Исаев был призван в РККА и направлен в Муром, в 362-й запасной стрелковый полк. Потом был переведён в 108-й запасной стрелковый полк. В ноябре 1942-го солдат направили на военный завод делать железные полозья для танков и артиллерии. 1 декабря 1942 г. Исаев

оказался в числе переброшенных на Северо-Западный фронт и в феврале 1943 года участвовал в Демянской наступательной операции, затем — в Белгородско-Харьковской операции.

«Я [как сейчас] вижу упирающееся в меня дуло фашистского «Фердинанда» в бою под Лебедином.» —рассказывал Исаев.

А дальше были Курская битва, форсирование Днепра, освобождение города Калинковичи (январь 1944 г.), Львовско-Сандомирская операция, взятие Котбуса, Берлинская операция и вступление в Прагу... 5 ноября 1945 г. Исаев был демобилизован по состоянию здоровья. В 1946 г. поступил на Физфак МГУ.

Пётр Степанович Исаев был награждён орденами Красной Звезды и орденом Отечественной войны II степени, медалями "За боевые заслуги", "За отвагу", "За взятие Берлина", "За освобождение Праги", "За победу над Германией". Он оставил после себя подробную автобиографию «Мы сражались за Родину».

=====

Таковы были суровые военные судьбы десяти ветеранов ОИЯИ.